

зданиям университетского комплекса на Моховой (а мысль поучиться в МГУ периодически посещала меня). Идея возведения высотного учебного здания вместо привычных 4- или 5-этажных корпусов, которые строили во всем мире, принадлежит В. И. Сталину. В разговоре с президентом АН СССР академиком А. Н. Несмеяновым он предложил для МГУ построить 20-этажный дворец, но зодчие увеличили этот параметр больше чем в 1,5 раза. По проекту было предусмотрено установить на здании высокую скульптуру Сталина и присвоить университету имя Сталина. Однако после его смерти в марте 1953 года скульптуру не воздвигли, а университету присвоили имя М. В. Ломоносова.

12. УРА! Я ЕДУ РАБОТАТЬ «НА ВОЛГУ»!

В 1951 году я продолжал работать на строительстве МГУ. И хотя утром мы обычно добирались до работы примерно за час, то вечером на обратную дорогу требовалось обычно более двух часов. Годы были молодые, ложились мы спать поздно, поэтому часто днем ходили полусонными. Как-то Николай Власов и говорит мне, что к ним на участок перевели с Урала в связи с семейными обстоятельствами прораба, который рассказал, что там у них очень многостроек, где жилье расположено практически рядом с сооружаемыми объектами, а потому затраты на дорогу составляют 10–15 минут. А Уральские горы и природа там очень красивые и живописные, огромное число чистых рыбных рек и озер. Поэтому было бы здоровее, если бы мы общее время на дорогу в Москве, составляющее в сутки почти 4–5 часов, тратили на Урале на что-то более нужное, хотя бы на крепкий сон. И Николай предложил написать заявления в Отдел кадров (ОК) Главпромстроя о переводе нас куда-нибудь, где бы жилье находилось близко от стройки, указав причиной тому нашу молодость и ежедневное недосыпание. Десятого января 1951 года мы отвезли такие несерьезные, но честно обоснованные приведенной причиной заявления в ОК. Через два дня вызвал нас полковник Георгиевский (начальник стройрайона МГУ) и начал уговаривать забрать заявления обратно, так как мы «оголяем» строительство университета, а он очень нужен нашему народу, тем более что через два года нас примут без экзаменов на учебу в МГУ и жить мы будем тут же. Мы начали упираться, доказывать, что долго думали и приняли окончательное и бесповоротное решение. Тогда полковник уже приказом обязывает нас работать здесь, ибо он уже категорически отказал ОК в откомандировании нас с МГУ – мы здесь пока нужнее, чем где-либо. И все продолжалось по-прежнему. Однако идея эта запала в наши души, и дней через десять мы опять втайне от руководства написали аналогичные заявления. Прошла неделя, и вдруг мы получаем письменные приглашения официально под роспись явиться в ОК. Нас никто уже не стал уговаривать забрать назад наши прошения. Видимо, где-то решили, что этим ребятам надо пойти навстречу, а, может быть, где-то посчитали, что потребность в ИТР-строителях имеется в ряде

мест выше, чем в МГУ. Мы прибыли к назначенному времени в ОК, и офицер-кадровик подтвердил достоверность такого решения. Но, как и при приеме на работу в МВД, нас опять попросили сфотографироваться, заполнить форменные бланки и анкеты с изложением в них сведений о себе и своих близких родных, были ли судимы я и они, выезжали ли за границу, находились ли на оккупированной немцами территории и т. д., написать автобиографии. Следовало вспомнить, напрягая мозги, когда и где появились на свет родители, чем, где и когда занимались, а также сестры, бабушки и дедушки, репрессировался ли кто и когда, имелись ли отклонения от линии КПСС, не пребывали ли в других партиях, кроме партий большевиков и КПСС... Так как мы такие бумаги писали уже, то самым сложным было восстановить в памяти и изложить то же самое, что и ранее, чтобы при возможном сравнении документов не обнаружилось несовпадение данных (вранье). Потребовалось целых два дня для безошибочного заполнения бланков и выполнения прочих формальных процедур.

По исполнении этого кадровик сказал, что ИТР-строители дефицитны во многих других местах СССР и нас точно откомандируют, однако нужно будет подождать примерно с месяц, чтобы опять проверили анкетные сведения и в зависимости от их достоверности определили, куда нас направлять. Единственное что мы попросили, – это откомандировать нас вместе, на что было получено согласие. Действительно, в конце февраля нам сообщили, что анкетные данные подтверждены («анкеты ваши вышли») и теперь можно определяться с местом будущей стройки. Мы думали, что это место уже нам назначено, но нам самим предложили на выбор десятка два мест от Москвы и до Камчатки, напечатанные в столбец на листе бумаге. Мы с Николаем даже растерялись. Стали обсуждать, что, может, следует уехать подальше, чтобы повидать страну, или пожить у берегов Тихого или Ледовитого океанов? Когда еще попадешь туда даже за свои деньги? Однако Николай предложил своеобразный жребий. «Мы – молодые, семьями не обременены и потому нам все равно, куда ехать. Поэтому ты сейчас отвернешься и закроешь глаза, а я покручу лист. Ты же, не глядя, поставишь палец на лист». Я так и сделал, а затем совершенно механически ткнул пальцем в строку и, увидев «Приволжская контора Главгорстроя МВД СССР», вообще-то даже обрадовался, так как это где-то на матушке Волге, у большой воды, и тем не менее переспросил: «Где это?» – «Видишь, при Волге», – ответил офицер. Мне тут же вспомнилась красивая и чистая наша речка Пра с ее протоками в озера, свежая рыба и раки, ловля их бреднем. Поэтому большая вода Волги меня сразу прельстила, я обрадовался и дал согласие на этот перевод, даже не зная, близко ли территориально будут жилье и работа. Немного подумав, решил поехать со мной и Николай. Нас обязали взять обходные листы на работе (а такое указание туда направят) и подписать все позиции в них об отсутствии у каждого из нас каких-либо задолженностей в Управлении строительства МГУ, получить полный денежный расчет и с документом о подтверждении увольнения нас из Управления опять прибыть в ОК. В первых числах марта нам оформили и

вручили документы о переводе нас «на Волгу» и обязали с полным комплектом перевозимых вещей быть в первой половине дня на Цветном бульваре, дом 12 в конторе Ивана Ивановича Солнцева (подвальное помещение). Он окончательно все решит, выдаст нужные документы, объяснит, как и куда ехать, обеспечит билетами. Через сутки мы явились по указанному адресу. Над входом в подъезд старинного двухэтажного здания прочитали вывеску «Плодоовощная база» и растерялись, так как надеялись увидеть солидную организацию (этот дом давно снесен). Но, вспомнив, что нам надо спуститься в подвал, зашли туда и через полутемный коридор попали в освещенный холл с диванами и тремя дверьми из него. В холле находились какие-то люди, которые громко разговаривали и ни на кого не обращали внимание. На полу стояло много закрытых коробок и ящиков с адресами отправителей. За одной из этих дверей и находился начальник (Солнцев) данной конторы, с виду сильно усталый человек, который сразу принял нас. Посмотрев поданные ему бумаги, он куда-то позвонил раза два или три, назвав наши фамилии, выписал нам направления с печатью и подписью, указав в них место работы «Предприятие п/я 3/5, Шатки-1, Шатковский район Горьковской области». – «А где же Волга и Приволжская контора?» – удивились мы. – «Видите, написано – Горьковская область. А Волга протекает через нее. Приедете туда и узнаете, где великая русская река и где нужная вам контора», – последовал ответ. После этого Солнцев попросил нас пройти в соседнюю комнату к С. Г. Арсатьянцу, который дал нам по талончику с надписью «Касса 24, одно место» и сообщил, что нам надо ехать сейчас на Казанский вокзал, подать там в указанную кассу эти талоны и приобрести билеты на поезд, отходящий сегодня вечером. Завтра рано утром он прибудет на станцию Шатки, и там мы должны выйти. Слева по ходу будет вокзал, а справа за путями – одноэтажный деревянный дом. Там нас примут, посмотрят документы и объяснят, что делать дальше.

Приехав в Шатки в 5 часов утра, мы, нагруженные вещами, отправились через рельсы в указанный довольно большой дом со светящимися окнами. К нашему удивлению, никаких вывесок на нем не было. В прихожей и комнатах с открытыми дверями сутились и громко разговаривали около десяти человек, как несколько позже выяснилось, руководивших в ночное время з/к, перегружающими материалы, оборудование и товары из вагонов и платформ широкой колеи в вагоны и платформы узкой колеи. Эти начальники одновременно вели учет всего перегружаемого и ругали какие-то предприятия, регулярно завывающие по документам объемы грузов в вагонах. Прислушавшись, мы поняли, что отсюда идет узкоколейная железная дорога на какой-то «чертов объект», в который, как в прорву, круглосуточно направляется огромный поток поставок. (Позже я узнал, что в сутки поступало по 40–100 платформ и вагонов с углем, лесом, сборными щитовыми домами из Финляндии и Германии, станками и всякими «секретными поставками» под строгими литерами.) Определив одного из находившихся здесь людей как главного, мы обратились к нему, и он попросил расположиться в одной

из комнат и поспать там часа два, пока в 8 часов утра не придет начальник конторы. Так как нас неоднократно обязывали держать язык за зубами, мы ничего расспрашивать не стали, а, войдя в теплое помещение, сняли верхнюю одежду, из нескольких стульев каждый сделал себе лежбище и быстро по молодости лет уснули. Разбудил нас громкий голос: «Подъем! На загрузку вагонов становись!» От неожиданности мы вскочили, а человек, видя наши недоуменные физиономии, рассмеялся. Он нам представился начальником данного заведения, и мы показали ему свои документы. Достал из сейфа некие списки, сказал, что въезда нам еще нет! И добавил, что придется посидеть здесь минут 40, прежде чем он окончательно с нами разберется. Несколько раз начальник звонил куда-то, называя наши фамилии, и наконец окончательно произнес, что будем ждать денька три и что, как правило, так бывает почти со всеми. Жить придется в Шатках на одной из квартир, которые они снимают для приезжающих, и написал адрес на бланке с печатью. Объяснил, что это недалеко, метров 250 отсюда, и чтобы мы через три дня пришли в контору. Убедительно произнес, что беспокоиться нам не о чем, спите подольше, зарплата уже идет и все будет хорошо, гуляйте по районному поселку и знакомьтесь с достопримечательностями Шатков. Хозяйка частного дома о них вам расскажет, кстати, она молодая вдова – добавил он с улыбкой.

Хозяйкой «гостиницы» была женщина около 30 лет, бездетная. Встретила она нас приветливо, да это и немудрено, так как оказалось, что платят за предоставление временного жилья довольно прилично, и потому есть немалая конкуренция среди местных жителей в борьбе за репутацию качества обслуживания командированных. В рубленом из бревен одноэтажном доме было четыре комнаты и кухня. Везде чисто и опрятно. Одну комнату занимала сама хозяйка, вторую снимал одинокий веселый мужчина – начальник мастерской по ремонту обуви, третью заняли я и Николай, четвертая была свободной. Мы сразу поняли, что отношения хозяйки и одинокого мастера довольно теплые, что вскоре и неоднократно подтверждалось. После знакомства и приведения себя с дороги в порядок женщина накормила нас вкусными горячими щами и картошкой. Мы тут же договорились, что она будет готовить нам еду за назначенную ею плату, а сами немедленно завалились в кровати – недосыпали в Москве, Кунцево и провели беспокойную ночь в вагоне. И беспробудно с чувством исполненного перед Родиной долга беззаботно и крепко проспали до следующего утра.

На другой день расспросили хозяйку о памятных местах в Шатках, сходили в кинотеатр и отправились сначала в школьный музей Тани Савичевой. Наверное, все послевоенные жители СССР слышали об этой девочке. Она в холодную и голодную зиму 1941–1942 годов осталась с многочисленными родственниками в блокадном Ленинграде и вела столбиком точный дневник последовательных их смертей. Девять страничек – страшные свидетельства ухода из жизни самых дорогих для 12-летней девочки людей:

«Женя (сестра) умерла 28 дек. в 12 час. утра 1941.

Бабушка ум. 25 янв. в 3 час дня 1942.

Лёка (брат) умер 17 марта в 5 час. утра 1942» и т. д.

...

Умерли все. Осталась только Таня».

Оставшись одна, Таня собрала свои вещи в сумку и, еле держась на ногах от истощения, пошла к дальней родственнице. Отсюда ее через несколько дней забрали в детский дом, а затем, при первой возможности, вывезли с группой обездоленных детей по льду Ладожского озера на «большую землю». Так Таня оказалась в Шатковском районе, а когда сильно заболела, то ее отправили в районную больницу, где она и умерла. Отбившаяся от родных и чудом спасшаяся одна из всех родственников Тани – сестра Нина – вернулась из эвакуации в 1945 году в Ленинград и здесь в квартире обнаружила страшные своей достоверностью дневники сестры, которые и стали затем известны всему миру. Тане открыли большой памятник в Шатках в 1972 году. Нина приезжала сюда и хотела перевезти прах сестры в Санкт-Петербург. Но, увидев очень достойное отношение шатковцев к памяти Тани, не стала этого делать.

В музее мы узнали и о знаменитых людях из Шатков и района. Например, в годы Великой Отечественной войны девять солдат и офицеров стали Героями Советского Союза. Позже на стройках в зоне «объекта» (ныне – г. Саров) я познакомился с еще одним знатным шатковцем и известным строителем – Иваном Петровичем Ворониным (см. главу 13).

Удивились также тому, что в районе много черноземных земель с плодородным слоем толщиной до двух метров. Поэтому колхозы и совхозы выращивают здесь богатые урожаи сельхозкультур. Считается, что когда-то в древние времена ледник отложил тут и частично в Арзамасском районе эти благодатные земли.

На третий день нам в конторе сказали, что документы на наш въезд все еще не готовы и надо подождать еще дня три. Тогда мы отправились за пределы Шатков в местечко «Озерки» с широко и далеко известными целебными грязями в окрестных водоемах. Когда в поле мы приближались к покрытым льдом и снегом небольшим озерцам, то были удивлены наличию тут людей с санками и ведрами, а также лошадиных повозок с кадками. Люди рубили топорами проруби и железными черпаками на длинных деревянных ручках загребали со дна водоемов черную вязкую грязь и наполняли ею емкости. Оказалось, что некоторые приехали на повозках за нею даже за 20 километров. (Я тут же вспомнил наших деревенских свиней, которые, будучи выпущенными со двора на улицу, бежали первым делом «выкупаться» в пруду, копали рылом у воды корытообразную грязную ямку, взбучивали грязь, ложились в нее и начинали переворачиваться с бока на бок, сопровождая эти явно приятные процедуры благодушным похрюкиванием. Затем вылезали из ямы с толстым слоем грязи на всей коже и шли вразвалку, довольные, пощипать зеленой травки. У свиней под грязью погибали всякие па-

разиты и вдобавок не докучали слепни и оводы.) Будучи скептически настроенными к грязелечению, мы поговорили с некоторыми людьми и резко изменили свое отношение к такому народному средству избавления от хворей. Оказалось, что этой грязью излечилось огромное количество местного населения от всякого типа радикулитов и «отложения солей». (Примерно с 1970 года эта грязь стала официально использоваться в больничных заведениях по всей Нижегородской области. Я тоже несколько раз в санаториях подвергался лечению именно этой, шатковской, грязью. Хуже, по меньшей мере, не становилось.)

И, хотя мы письменно обязались ни с кем не обмениваться информацией откуда и куда едем, тем не менее, вечером мы осторожно начали выпытывать у хозяйки, что это все же за «Приволжская контора». И она смело нам все рассказала. От Шатков идет узкоколейная дорога длиной около 70 километров до местечка, которое называется Сарова или Саров, и где расположен широко известный в царское время Саровский монастырь (ныне Свято-Успенский Саровский мужской монастырь). Там когда-то жил, творил чудеса и исцелял людей святой Серафим Саровский. Туда даже царь Николай II приезжал в 1903 году со всей своей семьей для причисления отца Серафима к лику святых. А если мы смотрели кинофильм «Путевка в жизнь», то он частично снимался на этой узкоколейке, и там в кадрах показан издали Саровский монастырь. Так что «...Мустафа эту дорогу строил, а Жиган по ней ходил...» (позже я выяснил, что фильм в действительности снимался около Коломенского под Москвой). Этот монастырь и мордовско-русские поселения вокруг него, а также большой участок леса огорожены с 1947 года в несколько рядов колючей проволокой, и эта территория охраняется по периметру еще и солдатами. От Шатков до Сарова начата в 1950 году прокладка заключенными ширококолейной железной дороги (стандартной колеи с расстоянием между головками рельсов 1524 мм), чтобы не перегружать в Шатках грузы в узкоколейные вагоны и на платформы. Для этого вдоль трассы образованы четыре лагеря с заключенными в Шатках, Хирино, Сатисе и Берещино. Там в зоне, называемой объектом, работает тоже очень много заключенных и идет большое строительство. Поэтому туда везут день и ночь много всякого груза по широкой колее до Шатков. А здесь его круглосуточно перегружают заключенные из вагонов и с платформ широкой колеи в вагоны и на платформы узкой колеи. Есть в Сарове и аэродром, куда ежедневно прилетают самолеты. Много туда везут ученых и инженеров по специальным пропускам. Оттуда же никого, даже в отпуск, не выпускают. А ждем мы здесь в Шатках потому, что на каждого въезжающего в зону очень тщательно проверяет милиция сведения о месте его рождения, где он жил, учился и работал, чтобы решить, можно ли доверить этому человеку большую государственную тайну. Так же проверяют и родных въезжающего – смотрят, нет ли среди них подозрительных лиц. Так как сведения о нас и наших родственниках еще окончательно не все проверили, то нет нам и пропусков на въезд. Разрабатывают же за колючей проволокой атомные бомбы и потому платят за эти работы очень большую зарплату; там есть все из продуктов

и товарного обеспечения, как «при коммунизме». Но никакой там Волги и близко нет! На наш вопрос, откуда она это все узнала, сказала, что это известно всем, кто живет близко от станции. Много местных людей работает с заключенными, а их периодически привозят с объекта и увозят туда же. Вот они-то все это и рассказали.

Я и Николай начали вслух ругать себя, что согласились быть откомандированными на строительство около Волги, а тут ею и не пахнет. Надо было сначала выспросить, где точно находится эта Приволжская контора! На наши заклинания хозяйка сказала, что обижаться нам не надо, а, наоборот, надо радоваться, что мы попадем в райские условия жизни, которых нет нигде в Советском Союзе. Ну мы и успокоились, отдав себя в руки судьбы – пусть она ведет нас теперь сама.

Примерно через день я вдруг вспомнил, что дома в деревне в оставшейся от деда библиотеке я видел на чердаке и листал изданную еще в царское время на лощеной плотной бумаге книгу с картинками об истории Саровского монастыря и деяниях святого Серафима. Вот ее бы сейчас сюда, и мы узнали бы многое о том месте, где вскоре будем!

Шатки расположены вдоль низкого левого берега реки Тёши, впадающей в Оку недалеко от Мурома. Другой берег реки высокий, крутой и лесистый с пещерами в нем. Один день мы и посвятили осмотру пещер, правда, глубоко не заходили. Позднее я узнал, что в этих пещерах любители находят немало полудрагоценных камней типа агатов из класса халцедонов. А недалеко от Шатков есть станция Пешелань (от мордовского «пекше» – липа), на которой в 1934–1935 годах построили алебастрогипсовый завод, так как напротив ее правый высокий берег Тёши оказался гипсовой горой, непонятно как здесь возникшей. На уровне подошвы склона на отметке 60 метров от верхнего плато горы и стали делать наклонные шахты для добычи породы, вывоза ее вручную вагонетками по рельсам и последующей переработки. А вообще, толщина разведанного слоя гипса составляет до 300 метров. В 1990-е годы после развала Советского Союза алебастровый комбинат пришел в упадок. В конце 1998 года его за небольшую цену выкупила команда москвичей во главе с братом нынешнего министра иностранных дел С. Лаврова. Эта команда переименовала название завода в «Декор-1», сделав его одним из лучших предприятий России, занимающихся переработкой гипсовых месторождений в мелкодисперсный порошок для изготовления плит быстрозастывающих домовых перегородок, в том числе с добавлением карельского шунгита для экранирования от электромагнитных полей, изготовления стеновых гипсоблоков, медицинского применения (утверждается, что «зафиксированные» данным гипсом сломанные кости срастаются наиболее скоро). Сегодня общая длина выработанных шахт составляет 153 километра. Хозяин завода оказался и социально ориентированным бизнесменом, так что шахтеры работой, заработками и отдыхом довольны. Так как на заводе трудится население из трех близкорасположенных деревень, то много внимания уделено и благоустройству этих деревень, детскому отдыху и досугу. Очень интересной реализован-

ной задумкой хозяина стало создание небольшого зоопарка на территории завода и любопытного музея горного дела прямо в выработанных шахтах. Кроме того, в шахтах выращивают много шампиньонов и поставляют их для продажи. Сюда приезжают посетители, и проводятся экскурсии. Я в шахтах тоже был в 2008 году. Подробнее о заводе и шахтах см. [10].

Лет через 25 уже на «объекте» я нашел в массовой городской библиотеке книгу, из которой узнал, что первое упоминание о Шатках – в 1620 году. *«Сельце Шатки на реке Тёше на устье речки Вонючки получил арзамасский дворянин Иван (Алексеевич) Аргамаков по государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всея Руси двум грамотам – за участие в обороне Москвы при царе Василии Шуйском в 1612–1618 годах»*. Шатки с 1734 по 1747 годы принадлежали деду и матери (урожденной Аргамаковой) Александра Николаевича Радищева, известного по книге *«Путешествие из Петербурга в Москву»* писателя. Родители писателя и после 1747 года жили некоторое время в Шатках, и потому есть предположение, что родился Александр здесь (1749 г.), хотя точных свидетельств не сохранилось. Отец Радищева (коллежский асессор, владелец трех тысяч душ в Российской Империи) приезжал в Саров со всей семьей (четыре сына и три дочери) и собирался здесь остаться, но *«...неоднократно вступаясь в дела управления монастырем»*, не смог ужиться с его руководством и вернулся в свое поместье в Пензенской губернии. Александр получил прекрасное образование, закончил в том числе Лейпцигский университет. В 1790 году он напечатал в России в частной типографии 650 экземпляров указанной выше книги. В ней автор призывал русское крестьянство расправиться со своими поработителями и *«грозил царям плахою»*. Книга была запрещена, а Радищев по приказу Екатерины II был осужден на смертную казнь, замененную затем десятилетней ссылкой в Сибирь. В 1797 году его перевели на жительство под Москву (Екатерина II уже скончалась в 1796 г.), а в 1801 году Александр вернулся в Петербург. Как известно, его книги в 1790 году были конфискованы и сожжены. Но малая часть их все же сохранилась, в том числе рукопись. С нее кем-то были сделаны рукописные копии («списки», как их тогда называли), текст которых значительно отличался от первого издания. Некоторые исследователи творчества писателя отнесли их к ранней, допечатной редакции. Однако Георгий Петрович Штурм усомнился в этом, провел обширные архивно-исторические исследования и показал в своей увлекательной книге [11], что эти исправления внес сам Радищев после 1798 года. Причем копии рукописи сделаны в 1800 году в Саровском монастыре при посредничестве казначея иеромонаха Киприана. При этом выяснилось, что богатые купцы Аргамаковы (из Арзамаса) были постоянные благотворители этого монастыря, а Анна Ивановна Аргамакова – полковничья дочь и двоюродная сестра матери Радищева – была владелицей и хранительницей подлинника или оригинала рукописи книги и часто посещала данный монастырь и Дивеевскую обитель. По-видимому, здесь она познакомилась с рукописью просвещеннейшего и начитанного Киприана. Более того, Штурм документально установил, что Гри-

боедовы, Ушаковы, Аргамаковы и Радищевы состояли в родстве. И потому Анна Ивановна бывала в имении у адмирала Федора Федоровича Ушакова в Темниковском уезде недалеко от Санаксарского монастыря. Есть основание считать, что и А. Радищев тоже был знаком с адмиралом.

Кто-то донес на Киприана об его участии в переписке рукописи (а он управлял и богатой библиотекой монастыря, при которой служили писцы). Киприан был срочно затребован 17 сентября 1800 года епископом Феофилом в Тамбовскую духовную консисторию по чрезвычайному происшествию. По-видимому, там Киприан смог убедить епископа, что, вообще-то, Радищев описывает события в России достоверно, и после допроса отношение Феофила к казначею изменилось в лучшую сторону, он вернулся вновь в Саров. Однако 10 декабря Феофил снова призывает Киприана в Тамбов, но уже вместе с Исаей – настоятелем монастыря – «для нужного весьма совета». По возвращении из Тамбова Киприана вскоре (в конце 1802 г.) направляют в Петербург для решения дел о спорных монастырских землях. Завершив благоприятно эти дела, он остался в Александро-Невской лавре, где и скончался в 1806 году в возрасте 48 лет. А Анна Ивановна Аргамакова жила после 1801 года в Москве на Остоженке в доме П. А. Ушаковой, где и почил в 1806 году, будучи похороненной в Новодевичьем монастыре.

Тем не менее на Радищева тоже поступил донос в царский двор о наличии рукописи запрещенной книги и списках с нее с новыми правками и дополнениями писателя. Когда же до Радищева дошли слухи, что на него снова готовятся репрессии, то он в 1802 году выпил стакан кислоты и умер «в страшных мучениях».

Вот таким исторически интересным оказался Саров, куда мы направлялись, и окружающая его местность.

Когда на шестой день нам опять отказали в пропусках, мы уже начали возмущаться и говорить, что сегодня соберемся и уедем обратно в Москву. Тогда один из работников отвел нас в сторону и тихонько сказал, что таких, как мы, здесь достаточно и никто не ропщет. А в Москву ехать не надо. Лучше отправиться недельки на две домой и затем вернуться, тем более что в отпуск нас несколько лет из зоны не выпустят. И опять напомнил, а чего бы и не погулять, коль зарплату-то начисляют! Идея мне понравилась, тем более что дома я мог почитать книжку про Саровский монастырь. И поехал к себе в деревню Анциферово Рязанской области, а Николай – в Кохму Ивановской области.

13. НА СТРОЙКАХ «ОБЪЕКТА»

Действительно, когда мы в конце марта в оговоренный день утром вернулись в Шатки (я со старинной книгой о Саровском монастыре), то нам объявили, что пропуска оформлены и мы можем сегодня вечером ехать поездом на «объект». Ждать конца дня не захотелось, и мы стали просить отправить нас с каким-либо ближайшим товарным поездом. Поговорив с кем-то по телефону,